

— Они - кучка идиотов, говорю тебе.

Дядя Курехико всегда на что-то злился, и разговор, который мы вели две недели назад, ничем не отличался от этого. Он позвонил мне около часа ночи и сразу же разразился пьяной тирадой (такое случалось довольно часто) о собрании, которое он посетил ранее вечером для коллектива художников, в котором он состоял. Но в тот вечер он казался еще более неуправляемым, чем обычно.

— Все они - бездарные халтурщики, каждый из них. Единственные, кто более безмозглый, чем они, - это бескультурные обыватели, которые тратят деньги на никчемную дрянь, которую они выпускают. И они, наверное, до самой смерти не поймут, что кто-то с настоящим вкусом смотрит на их работу с презрением, жалкие глупцы.

— Угу... — пробормотал я.

— И для группы полных дилетантов, которым нравится воображать себя интроспективными и авангардными, им не хватает элементарной человеческой порядочности. Видели бы вы, как загораются их глаза при малейшем дуновении любой сочной сплетни о ком-то из их современников. Все они - ничтожества, любящие полакомиться прелыми трупами своих павших товарищей, - инвазивный вид паразитов в мире искусства, которых нужно истребить, пока они не заразили все кружки живописи, в которых есть хоть капля изобретательности.

— Попался...

Не было такой темы, по которой дядя Курехико не мог бы сказать что-то негативное. Будь то политика, последние фильмы, изобразительное искусство, погода, иностранные знаменитости или соседи по дому - все и вся становилось предметом его безразборчивого презрения. Чаше всего его критика не имела под собой никакой реальной основы - казалось, он просто испытывает неприязнь к большинству вещей в жизни, хотя я знал, что он и мухи не обидит.

И все же...

— Да что с тобой такое, парень? Неужели ты не можешь ответить что-то большее, чем полусерьезный односложный ответ? Научись хотя бы изображать заинтересованность в том, что тебе говорят другие люди. Ты никогда не добьешься успеха в реальном мире, если не сможешь сделать даже этого.

— Слушай, я устал, ладно? Мне нужно лечь спать. Утром у меня школа...

— Хмф. Тебе не нужно ничего делать. Школьное образование не является обязательным, знаешь ли. Гораздо лучше будет, если ты будешь сидеть дома и смотреть фильмы всех величайших режиссеров в истории. Познакомься с классикой, ради всего святого. Видишь, вот что я имею в виду, когда говорю, что у вас, молодых, нет...

По какой-то причине дядя Курехико, похоже, проникся ко мне симпатией, и было что-то странно успокаивающее в том, что меня принял человек, который в остальном казался таким беспристрастным в своей ненависти. Еще одна вещь, которая меня успокаивала в дяде, заключалась в том, что, несмотря на то что он был относительно уважаемым художником, в глазах общества он все равно был изгоем и неудачником - как и я. И хотя я понимал, что это довольно снисходительное высказывание, мысль о том, что такие люди, как он, могут найти свою нишу и выжить в этом мире, вселяла в меня хоть немного надежды на собственное будущее.

Даже если в итоге он все равно умрет молодым и одиноким.

— Кроме того, ты вообще хочешь ходить в школу?

— А?

— Будь внимателен, мальчик. Я спросил, хочешь ли ты на самом деле ходить в школу или нет.

Через крошечный динамик я услышал, как мой дядя пригубил какой-то напиток. Предположительно, алкогольный. Это было обычным явлением.

— Ну... не то чтобы у меня был выбор в этом вопросе. Особенно когда родители оплачивают мое обучение. К тому же у тебя есть только один шанс поступить в старшую школу, а это хороший жизненный опыт, так что...

— Но разве это то, чего ты хочешь для себя?

— Я имею в виду... — Я замялся, не в силах дать ему ответ.

— Хмф. Тебе действительно нужно отрастить хребет, мальчик. Научись высказывать свое мнение. Если ты будешь немногословен, то все вокруг будут только пользоваться твоим преимуществом. Пойми меня правильно: В наше время все наши политические и социальные системы специально созданы для того, чтобы сформировать одно гигантское бюрократическое чудовище, которое с радостью сожрет любого, кто не сможет убежать достаточно быстро. И если вы попадете в поле его зрения, все, на что вам придется рассчитывать, - это ваши собственные слова и действия, чтобы противостоять ему.

— Могу я, пожалуйста, поскорее лечь спать?

— Нет. Пока нет.

— Дядя, уже час ночи.

— О, что за фарс. Не позволяй себе быть рабом времени. Это всего лишь иллюзия, знаешь ли. Прошое, настоящее и будущее - не более чем мгновенные стоп-кадры в постоянно меняющейся картине, которую мы называем судьбой: многослойное, многомерное произведение искусства, которое мы можем увидеть только под одним углом в любой момент времени.

Я понял, что к этому моменту мой дядя был совершенно пьян, но все равно еще немного посидел, слушая его полубессвязные пьяные рассуждения. Когда пробило два часа ночи, я официально отказался просыпаться в свое обычное время на следующий день. По правде говоря, это была единственная причина, по которой я еще не положил трубку. Это произошло не по доброте душевной, а потому что мне нужен был повод, чтобы выспаться и остаться дома. Хоть я и сдерживался, чтобы не сказать об этом раньше, но в школу идти определенно не хотелось.

Я не помню почти ничего из нашего разговора с того момента. Я очень устал, а его бредни становились все более бессвязными, поэтому большая часть того, что он пытался мне сказать, уходила в одно ухо и вылетала из другого.

Кроме самой последней части разговора, а именно.

— Я называю это «Мир в янтаре», — сказал дядя. Я не помнил всего, что произошло до этого момента, но эта единственная фраза показалась мне настолько яркой и отчетливой, что возбудила мое любопытство и вернула меня к разговору.

— Амбер?

— Правильно. Это вид окаменевшей древесной смолы, в которой часто можно найти крошечные организмы, застывшие во времени и прекрасно сохранившиеся в течение десятков тысяч лет. И я говорю тебе, что был свидетелем того, как весь этот мир сохранился в янтаре, словно вырванный из времени.

— Это твое видение новой картины или что-то в этом роде?

— Да. Значит, даже ты сомневаешься во мне, да? Но ладно, пусть будет так. Я знаю, что это нелепо. Но я видел это своими глазами. Я знаю, что я испытал, и это не было каким-то дефектным продуктом бредового, одурманенного наркотиками разума. В этом была... жестокость. Неоспоримый реализм.

— В чем? Я уже не понимаю, о чем ты говоришь...

— Это ненадолго. Скоро я смогу разгадать законы, управляющие им. Я чувствую это. В следующий раз я найду способ оставить неопровержимые доказательства. Тогда у них не останется выбора, кроме как поверить мне. Когда-нибудь ты тоже это поймешь, Каято, я знаю. Конечно, такой острый, незапятнанный мальчик, как ты, сможет понять, насколько это великолепно, насколько... насколько...

Тишина.

— Дядя? — сказал я. — Ты здесь?

Единственным ответом мне был храп. Он наконец-то отключился. Я положил трубку и зарылся головой в подушку.

Три дня спустя дядю Курехико нашли мертвым у железнодорожной станции, расположенной неподалеку от его дома. Случайный прохожий вызвал «скорую», обнаружив его лежащим на земле, но к тому моменту его сердце уже остановилось. Когда я увидел его на поминках, его лицо выглядело гораздо более старым и изможденным, чем в последний раз, когда я его видел. Глубокие морщины, избородившие его брови, казалось, выражали еще большее негодование по отношению к миру в смерти, чем когда он был жив.

— Мир, законсервированный в янтаре, да? — прошептал я про себя.

Что-то в этой бросающейся в глаза фразе - наряду со словами «вырванный из времени» - заставляло меня чувствовать, что это должен быть какой-то намек. Могло ли это быть простым совпадением или между пьяными бреднями моего дяди и странным явлением, которое я сейчас испытывал, была какая-то связь? Он говорил, что близок к разгадке законов, управляющих этим явлением, но что он имел в виду? Если бы я знал, что произойдет нечто подобное, я бы внимательнее отнесся к его словам.

Дядя Курехико жил в многоквартирном доме в Токио. Возможно, если бы я отправился туда и порылся в его вещах, то нашел бы хоть какую-то подсказку о смысле этих загадочных слов. Но, учитывая, что местные трамваи остановились, я предположил, что все остальные виды общественного транспорта также не работают. В таком случае вернуться в Токио было бы нелегко - и не было никакой гарантии, что я найду среди дядиных вещей какое-то удобное и четко написанное решение, даже если мне удастся туда добраться.

— Хммм...

Так что же мне тогда делать?

Сидя и размышляя со сложенными руками, я вдруг вспомнил о существовании чашки с раменом. Черт, я совсем забыл. Лапша, наверное, была уже более сырой, чем мне хотелось бы, но ладно. Я откинул липкую крышку и ткнул деревянными палочками в контейнер.

Секундочку?

Лапша все еще была твердой. Но ведь прошло уже больше трех минут, так почему же она не сварилась? Может, вода была слишком теплой? Конечно, нет, если учесть, что я едва не обжегся одним только паром. Я поднял контейнер одной рукой, и на ощупь он был определенно горячим. Тогда почему?

О! Подождите!

Может быть, сама лапша каким-то образом застыла во времени? И сколько бы я ни ждал, она не впитает жидкость, пока часы снова не начнут идти? Это была ужасающая мысль: мир, в котором я не смогу приготовить себе даже простую чашку рамена. Не то чтобы я был большим поклонником лапши быстрого приготовления, но если в этом мире я не мог приготовить даже то, что требует лишь добавления воды, значит, мой выбор еды здесь будет еще более ограниченным, чем я думал. Скорее всего, я смогу есть только полностью готовую еду или цельные продукты, например фрукты и овощи, которые можно есть сырыми.

И что-то подсказывало мне, что теперь, когда обычные законы физики не действуют, новые ограничения появятся не только в моем рационе. Я, несомненно, найду множество других вещей, которые всегда считал само собой разумеющимися и которые здесь больше невозможны. Мне показалось хорошей идеей провести небольшое расследование, прежде всего, чтобы узнать, что я могу узнать о законах этого мира. После этого у меня еще будет достаточно времени, чтобы выяснить причину замораживания времени - все время, что есть в мире.

Дальнейшие мои действия были решены.

Через пять часов после того, как я вышел из мини-маркета, мой телефон разрядился.

Это случилось, когда я бродил по небольшому сувенирному магазинчику на берегу залива, и как только это произошло, я прекратил свои занятия и помчался в отель, в котором мы забронировали номер на эту ночь. Я точно помнил, что главный сопровождающий в поездке упоминал, что весь наш багаж уже доставлен из аэропорта, поэтому я знал, что именно там я, скорее всего, найду свой чемодан и рюкзак со всеми предметами первой необходимости -

главным из которых было зарядное устройство для телефона.

Октябрьское небо над головой по праву должно было бы уже окраситься в глубокий алый цвет, но оно сохраняло свою спокойную голубизну. У меня даже не было возможности проверить, сколько сейчас времени - мой мир навсегда остановился на 11:14. Было немного тревожно от мысли, что сколько бы времени ни прошло, на улице все равно будет светло. Мне нужно было поскорее найти доступ к работающим часам, иначе это могло нарушить внутреннее ощущение времени в моем организме.

Это напомнило мне об одном фильме, который я однажды взял напрокат на DVD, действие которого происходило в сельском городке, расположенном далеко на севере под полуночным солнцем. Главный герой, переехавший туда по работе, быстро заболел бессонницей из-за стресса, вызванного новой работой и непривычной обстановкой, в которой ночь никогда не наступала, и его жизнь продолжала рушиться. Я определенно не хотел, чтобы со мной произошло то же самое. Не имея ни малейшего представления о том, как долго продлится заморозка времени, я хотел хотя бы сохранить свой нормальный циркадный ритм, если это вообще возможно. А для этого мне нужно было зарядить телефон.

Я приехал в отель и вошел в холл. Если я правильно запомнила, наш багаж хранился на стойке регистрации... которая, как я могла предположить, находилась где-то за стойкой регистрации.

— Прошу прощения... — вежливо сказал я вечно улыбающемуся администратору, проходя за стойку и проходя в служебное помещение. Побродив немного по подсобным помещениям, я нашла свою цель: огромную коллекцию багажа, сложенную в одном месте. Выделение моего рюкзака из этой кучи почти не заняло времени. С облегчением я вернулся в холл и расстегнул передний карман, чтобы достать кабель для зарядки и сетевой адаптер.

— Так, теперь осталось найти розетку...

Оглядевшись по сторонам, я заметил в одном из углов лобби простейшую рабочую зону для гостей, остановившихся в отеле по делам. При ближайшем рассмотрении оказалось, что здесь действительно есть розетки, поэтому я быстро подключил телефон и стал надеяться, что он включится... Но сколько бы я ни ждал, экран оставался мертвым и черным. Я знал, что шансов мало, но все равно было неприятно.

— Никаких шансов, да? Фигушки.

Проведя несколько часов за изучением ограничений этого замороженного мира, я понял несколько основных принципов. Во-первых, практически все электронные или механические устройства - по крайней мере те, которые делали что-то без прямых физических манипуляций, - не могли быть использованы. Автоматические раздвижные двери приходилось открывать силой, банкоматы не реагировали ни на какие прикосновения, кнопки вызова лифта отказывались вызывать кабину, а датчики крана в ванной не обнаруживали рук, нуждающихся в мытье. Все это, конечно, было крайне неудобно, но, пожалуй, хуже всего было то, что вы не могли нормально пользоваться туалетом. Можно было нажать на ручку и на мгновение услышать многообещающий звук открывающегося смывного клапана, но потока воды практически не было, так что пользоваться каждой кабинкой можно было только один раз. Если только вы не были достаточно развратны, чтобы не возражать против того, чтобы несколько раз сходить в одну и ту же кабинку без смыва.

Но если мой смартфон отказывался заряжаться, то это, вероятно, означало, что я не смогу воспользоваться ничем, что зависело бы от электричества. Хотя телефон работал, пока у него

оставался внутренний заряд, зарядное устройство, похоже, не получало энергии из розетки, а это означало, что ток, проходящий по электропроводке в стенах, тоже замерз.

Я сунул телефон и зарядное устройство в карман пальто и вышел из здания, оставив рюкзак на полу в холле. Я решил, что могу использовать отель как фактическую домашнюю базу - по крайней мере до тех пор, пока не исчерпаю все зацепки, которые смогу найти здесь, в Хакодате. Идя по тротуару, я мысленно проанализировал все, что мне удалось почерпнуть из моего расследования на данный момент.

В общем, я не мог использовать ничего, что функционировало бы без прямых физических манипуляций. Но были и исключения. Такие вещи, как смартфоны или планшеты, или даже дешевые зажигалки за 100 иен - маленькие портативные штучки, снабженные батарейками или собственными источниками топлива, казалось, работали просто отлично. Этот принцип размера, похоже, распространялся и на живые организмы: однажды я наскреб на руку маленького паучка с соседнего куста, и только отбросил его в шоке, как он вдруг принялся копошиться у меня на ладони. Когда я нашел его там, где он упал на землю, он снова застыл, а когда я поднял его обратно, он снова ожил. Но, как и в случае с крупными электронными устройствами, это не срабатывало с такими крупными животными, как, например, голубь.

Некоторые вещи в этом мире могли двигаться или быть подвижными, а другие - нет. Мне казалось, что я более или менее понял разницу между ними.

— Хм?

И тут я заметил пустую банку, лежащую на тротуаре всего в нескольких метрах от ближайшего мусорного бака. Я закатил глаза от лени того, кто оставил ее там, но поскольку это была прекрасная возможность провести еще один эксперимент, который я проводил в течение дня, я наклонился и поднял банку, как добропорядочный гражданин. Затем я сделал еще несколько шагов, остановился и подбросил пустую банку в воздух, целясь в мусорный бак. Как только банка выскользнула из моих пальцев, она начала выписывать в воздухе идеальную параболу, и я сразу понял, что выстрел точно попадет в цель - если только банка не застынет на середине своей дуги спустя долю секунды.

— Ну что ж. Может, в следующий раз.

Я подхватил банку с того места, где она висела в воздухе, затем подошел и положил ее прямо в мусорный бак.

Лучшее, что я мог придумать, чтобы описать это, было то, что вокруг моего тела, казалось, была некая «интерактивная аура», которая позволяла вещам двигаться и работать нормально, пока они находились в определенном радиусе от меня. Конечно, это была всего лишь грубая, интуитивная гипотеза, к которой я пришел. Но независимо от того, существовало ли на самом деле невидимое, неосязаемое поле или нет, я уже доказал, что вещами можно манипулировать, когда я приближал их к себе, а когда отдалял, они снова становились статичными. Мне удавалось пользоваться сложными устройствами вроде телефонов и планшетов, когда они были у меня на ладони, но стоило мне выпустить их из рук, как даже элементарные предметы вроде алюминиевой банки застывали в воздухе. Мне также удалось заставить работать даже более крупные инструменты и оборудование, пока они были более или менее пригодны для ношения на моем теле.

Было еще много вещей, в которых я не разобрался. Но, потратив достаточно времени и усилий, я был уверен, что смогу разобраться еще больше. Пока же мне нужно было просто продолжать

исследовать, как я уже делал, и у меня уже было несколько других экспериментов на уме. Но прежде чем делать что-либо еще, мне нужно было найти себе работающие часы или хотя бы...

Скррритч.

Я покрутился на месте.

Что это был за звук?

Он был похож на шарканье чьих-то ботинок по тротуару. Я остановился на месте и огляделся по сторонам. Вместе со мной на тротуаре было еще несколько человек, но никто из них не двигался.

— Там кто-то есть? — спросил я, но ответа не последовало.

Я был почти уверен, что мне не просто послышалось. В мире, где даже ветер перестал дуть, звук, издаваемый чем-то движущимся помимо меня, торчал, как кислая нота в симфонии. Может быть, это та девушка Акира, которую я встретил перед станцией? Подумав, что, возможно, она просто случайно оказалась поблизости, я попробовал позвать Игума, но ответа не получил. Мой голос растворился в эфире.

Внезапно по позвоночнику пробежала дрожь. Здесь, в этом холодном, бесчувственном мире, где все и вся остановилось, я почувствовал озноб. Но не от температуры, а от чего-то более похожего на страх. Само собой разумеется, что это были крайне необычные обстоятельства. Если сама Вселенная может остановиться в одно мгновение, то ничто не может быть за пределами возможного. Неизвестно, что может случиться дальше. Если бы я только знал, меня могло бы преследовать по улицам этого города какое-нибудь безликое существо прямо из игры ужасов. Черт, даже если это был просто человек, а не криптид, у меня не было никаких реальных средств защиты. Здесь не было никого, кого я мог бы позвать на помощь, и я даже не мог набрать номер скорой помощи, если бы получил серьезную травму. У меня не было ни малейшего представления о том, как долго мир может оставаться в таком состоянии - если, конечно, он вообще когда-нибудь вернется к нормальной жизни.

Адреналин бурлил во мне, когда до меня наконец дошел весь ужас моего положения. Я больше не мог сохранять спокойствие. Но что еще я могла сделать в данный момент? Надеюсь отвлечься от внезапно нахлынувшей тревоги, я попытался на время отвлечься. Мне казалось, что расстояние между мной и тем местом, где я слышал необъяснимый звук, поможет расслабить нервы, и я смогу более четко обдумать, как мне выбраться из этой передрыги. Но, продолжая идти по улице, я наткнулся на знакомые силуэты.

— О, эй... Посмотри на это.

На тротуаре плечом к плечу стояли четыре мальчика: Нагаи и другие одноклассники, с которыми я был в одной группе. Бесцельное блуждание по городу привело меня прямо к тому месту, где я стоял, когда время застыло. С тех пор прошло всего несколько часов, но что-то в том, что я снова увидел своих товарищей по группе после одинокого блуждания по незнакомым улицам и обстоятельствам, вызвало у меня сильную ностальгию по той дурацкой поездке в класс, которую я так ненавидел. Я обошел вокруг Нагаи, чтобы еще раз взглянуть на него в упор. По правде говоря, оставалось еще одно испытание, о котором я думал, но все откладывал.

Что произойдет, если я прикоснусь к кому-нибудь здесь, в этом замороженном мире?

Я тяжело сглотнул. Прикоснуться к другому человеку... От одной только мысли об этом у меня началась крапивница. Я надеялся, что мне не придется этого делать, разве что в самом крайнем случае. Единственная причина, по которой я рассматривал эту возможность, заключалась в том, что после всего остального, что я узнал о том, с чем я могу и не могу взаимодействовать, и предположения, что у других людей тоже могут быть «ауры», казалось, что существует приличный шанс, что это может привести к чему-то серьезному. У меня не было никаких серьезных оснований так думать, это было просто предчувствие.

Я глубоко вздохнул и сделал несколько легких растяжек, чтобы привести себя в чувство.

— Хорошо. Давай сделаем это.

Мое решение было принято. Я медленно протянул руку к Нагаи и...

Секундочку. К чему я вообще должен был прикоснуться? Постучать его по плечу казалось безопасным вариантом, но что-то подсказывало мне, что лучше прикоснуться к его коже, а не к одежде, чтобы избежать сомнений, если я действительно хочу проверить это. Очевидно, это только усложняло ситуацию, но, как говорится, хорошее лекарство труднее всего проглотить. И хотя не было никакой гарантии, что это сработает в любом случае, я хотел прислушаться к тому, что подсказывала мне моя интуиция в данный момент.

Итак, все было решено. Я прикоснусь к его коже напрямую. Мне очень не хотелось этого делать, но я понимал, что в любом случае буду вынужден проверить, если прикосновение к его плечу окажется неэффективным. Но на теле Нагаи было только два места, где кожа была открыта: лицо и руки. К первому я прикасаться не собирался, поэтому пришлось прибегнуть ко второму.

Я присел на корточки и протянул пальцы. Сердце колотилось о стенки груди. Я пытался убедить себя, что все будет хорошо, что это не сравнится с походом к врачу на медосмотр, но все равно чувствовал, как нервная струйка пота стекает по бокам.

— О, подождите...

Что, если в тот момент, когда я прикоснусь к нему, он оживет? Он застыл на середине пути, и если бы я стоял вот так прямо перед ним, он бы тут же врезался в меня. Это могло быть плохо; слава богу, что я все понял заранее. Я переместился за спину Нагаи и снова присел.

— Ладно... Третий раз не помешает... Нгх!

Я протянул дрожащую руку и коснулся кончиками пальцев руки Нагаи. Инстинктивно отпрянув, я отдернул руку, отпрыгнув назад. Но даже после нескольких секунд ожидания в Нагаи не произошло никаких изменений. Он оставался неподвижным, как доска.

Я вздохнул, когда внезапная волна усталости нахлынула на меня, и упал, скрестив ноги на месте. Я обхватил пальцы, которыми прикасался к Нагаи, другой рукой и крепко сжал их, чтобы стереть ощущение. В конце концов, не было никакого смысла прикасаться к другому человеку. Единственное, чего я добился, - это то, что мой слабеющий рассудок стал еще тоньше. Чего я вообще ожидал? Что у меня появится волшебное прикосновение, которое без труда разрушит этот потусторонний феномен? Нет, это было просто смешно.

Подумав об этом более спокойно, я был уверен, что знаю, что именно я пытался проверить этим экспериментом. Это была крошечная, более личная надежда - та, которая использовала только преимущества заморозки времени, но не имела ничего общего с тем, чтобы докопаться

до сути. Потому что сейчас Нагаи, как и все остальное, находился в состоянии покоя - не мертвый, но и не совсем живой в традиционном смысле этого слова. Он не дышал, и сердце его не билось. И я, наверное, подумал, что, может быть, мне удастся прикоснуться к другому человеку, пока он находится в таком состоянии, может быть, даже медленно продвинуться в преодолении своего состояния, пока я здесь. Но, как оказалось, это было безнадежно: стоило мне прикоснуться к нему, как каждая клеточка моего тела закричала в знак протеста.

Я поднялся на ноги, вытер грязь с сиденья брюк и осторожно поднял лицо к небу. Мне предстояло жить с этой болезнью всю жизнь. В данный момент эта мысль не вызвала у меня какого-то сильного ужаса или печали - лишь смутное, подкрадывающееся беспокойство о дальнейшей жизни и о том, с какими трудностями мне придется столкнуться... Не то чтобы мне было полезно думать обо всем этом сейчас. Мне нужно было привести голову в порядок и сосредоточиться на своем нынешнем положении.

<http://tl.rulate.ru/book/117558/5229520>